

Абрамович С. Д.,

доктор філологічних наук, професор, академик АН ВО України,
заведуючий кафедрою славянської філології і загального мовознавства
Каменець-Подольського національного університету імені Івана Огієнка

СТРУКТУРА ПОЕТИЧЕСКОГО ОБРАЗА У МАРИИ ТИЛЛО (СТИХОТВОРЕНИЕ «ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ»)

Аннотация. В статье проанализированы языковые решения, образный строй и трагико-сотериологическая ментальность стихотворения «Жизненный путь», написанного безвременно ушедшей из жизни молодой украинской поэтессой М. Тилло.

Ключевые слова: поэтическая танатология, литературно-художественный образ, экзистенциальные проблемы человека, трагизм, катарсис, сотериология.

*Имя накроет зеленый мох
С меткой "Забвение": канет в высь
Странно-красивая птица Жизнь.
М. Тилло*

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Город градом раскрыт до падения башен без боли,
До развернутых окон на стенах разбитых домов.
Эта странная радость животного мира раздолья,
Где не нужно значения краскам беспомощных слов.

Мы спешим, не заметив, куда убегает дорога,
Мы не чувствуем горечи луж и пространства для ям.
Мы куда-то идем в состоянии простого потока,
Где бездумное сердце стучит, как расшатанный ямб.

Там горит светофор обесцвеченной троицы света,
И кричащей вороною время садится на грудь.
А назад нет пути: возвращаться – плохая примета,
И не хочется, страшно опять в пустоту повернуть...
15.10.03 [10, с. 126].

Постановка проблемы. Мария Тилло (1977–2006) – украинский поэт. Писала стихи на русском и украинском языках. Неоднократно печаталась – сначала в местных газетах и альманахах; впоследствии вышли в свет четыре поэтических сборника; из них два последних – в Киеве. Подборки ее стихов напечатаны в «Буковинском журнале» и киевском журнале «Радуга»; еще одна подборка была помещена в немецком журнале Partner-Nord. О ее поэзии благожелательно отзывались в черновицкой и киевской прессе, в московском журнале «Знамя». Несмотря на сильно осложнявшую ее жизнь болезнь, провела ряд встреч с читателями, принимала участие в творческом вечере поэтов Буковины в Киеве (Киев, 2000), в семинаре молодых поэтов Украины (Ирпень, 2001). Мария Тилло защитила кандидатскую диссертацию по творчеству И. Бродского, на основе которой была создана небольшая монография (между прочим, включенная в список обязательной литературы для студентов-славистов Геттингенском университета). Была автором ряда научных статей; выступила как автор и соавтор учебников и учебных пособий, которые выходили с грифом МОН

в Черновцах и Киеве и по которым учатся тысячи студентов по всей Украине. Увлеченно вела студенческую поэтическую студию «Экспромт». В память о поэтессе на ее родном доме в Черновцах установлена мемориальная доска. Развернутую справку о ней можно найти в «Википедии» [3].

Поэтическое наследие безвременно ушедшей из жизни Марии Тилло, в целом не прошедшее мимо внимания литературно-критической общественности, все же требует достаточно углубленного изучения. В частности, критики по вполне понятным причинам не слишком охотно освещают неповторимую специфику ее авторской позиции. Не дожившая и до 30 лет, она рано научилась смотреть в лицо смерти, создав в своем творчестве некую поэтическую танатологию, безбоязненно трактуя сложные экзистенциальные проблемы человека и ни на йоту не утратив ни пьянящей любви к жизни, ни глубокой христианской веры в смысл всего существующего – прежде всего, в смысл собственного существования.

Верно замечено: «Збірка поезій «Лирика» стала по-смертним рекієм для поетеси. У збірку ввійшли твори російською мовою, переважно філософського змісту. У них поетеса розмірковує про швидкоплинність людського життя і його приреченість <...> Та рано чи пізно кожній людині доведеться переступити ту межу, яка веде у вічність <...> У поезіях цих – міркування про вічність буття, про сенс життя, про Бога, про призначення людини на землі, про неповторну індивідуальність кожної людини» [12, с. 54]. Не утратила М. Тилло і естетичної міри, чуттєвої краси життя і творчості. Бесспорна содержательність її постійної «езди в незнаєме» – увя, той, котра неминусемо предстоїть кожному з нас і котра для неї складала, к сожалению, практически повседневный опыт. Бесспорно естественное желание обычного человека знать обо всем этом как можно меньше и узнать как можно позже. Но бесспорно и то, что если поэзия все-таки чему-то учит, то лишь тогда, когда говорит об экзистенциально значимых вещах. А что может быть более важным, чем твое неминуемое предстояние смерти? Лев Толстой хорошо сказал, что лишь тот научился думать, кто думает о ней, о смерти...

Все это – сложно, но в то же время все это делает задачу изучения художественного мира поэта Марии Тилло столь же актуальной, сколь и достаточно непростой. Ведь тут в каждой лирической миниатюре отражен, так сказать, диалог Мгновения и Вечности, каждое стихотворение требует пристального внимания к художественному воплощению духовного опыта поэта, его аксиологии, равно как и к сумме наиболее интересных поэтических приемов сложения художественного образа. Поэтому целью данной статьи является монографический анализ стихотворения «Жизненный путь», написанного за несколько лет до ухода его автора из жизни.

Поэтическое наследие Марии Тилло довольно активно исследовалось в общем ракурсе, в том числе именитыми учеными, такими как П. Михед и Т. Пахарева [5, 7] (Киев), М. Михайлова и Г. Якушева [4, 14] (Москва), О. Николенко [6] (Полтава), М. Ткачук [11] (Тернополь), М. Чикарькова [13] (Черновцы) и др. Заслуживает особого внимания сделанная Г. Якушевой характеристика идейно-эстетического контекста этого наследия: «Изысканная простота, органичная утонченность и сдержанный драматизм стихов Марии Тилло заставляют вспоминать прежде всего о поэзии Серебряного века – об ахматовской созерцательности и мандельштамовской грустной философичности, о цветаевской трагической «неукорененности» и Брюсовском символично-мистическом урбанизме, о блоковской тоске по прекрасному и неосуществимому и есенинском ощущении обостренно-живой связи с природой» [14, с. 29]. Добавим к этому и наблюдение М. Чикарьковой: «Находит известное преломление в ее стихах и новаторство футуристов. Так, ее поэзия удивляет неожиданными, казалось бы, «непоэтическими» сравнениями: «На Землю звезды опадают, словно крошки» («В разбитом зеркале искрится отраженье...»); в другом месте она назовет россыпь светил в ночном небе «крошками горящего звездного хлеба». Конечно, вспоминается здесь любимый ею ранний Маяковский («Вселенная спит, положив на лапу / с клещами звезд огромное ухо»). Впрочем, эпатажного снижения «космического» образа, продиктованного футуристической установкой, здесь вовсе нет: небо неизменно остается для М. Тилло источником того хлеба, что насущен для души. Богоборчество футуристического и постфутуристического заката вызывало у нее совершенно неповторимое сочувствие человеку, определившему себе быть в обезбоженном мире» [13, с. 7]. Научно и вместе с тем необычайно проникновенно описан поэтический космос М. Тилло, в частности его «небесный топос» (статья Т. Пахаревой). В ходе такого анализа некоторые стихотворения брались и «крупным планом». Вот разбор стихотворения «Орех», сделанный М. Михайловой: «В стихотворении «Орех» М. Тилло, желая подчеркнуть агрессивную жадность нарушителя покоя и гармонии, подбирает слова, рисующие едва ли не отвратительную жажду разрушения и насилия: «раздавить», «сосать кровь», «залезть», «нарушить»... При этом «жертва» обладает «тончайшей шкуркой», источает «белоснежный аромат»... Возникает сочувствие, жалость, сопереживание. О ком же и о чем идет речь? О насильнике, воре? Нет, всего лишь о человеке, вгрызающемся в ядро ореха и получающем удовольствие от этой процедуры. Но это написано так, что понимаешь, как яростен и непросто процесс соприкосновения с миром, где самое простое действие может обернуться поглощением другого» [4, с. 45].

Но отдельное стихотворение при обзорном подходе обычно с неизбежностью «растворялось» в контексте. По сути, исключением стала лишь статья С. Абрамовича «Стихотворение М. Тилло „Ренессанс”» [1], в которой раскрывается масштаб «лирического дерзания» молодого поэта, вместившего в небольшой стихотворный текст глубокую философскую рефлексию над целой эпохой – Ренессансом, трактованным в неожиданно трагическом ключе.

Изложение основного материала. Таких емких стихотворений у М. Тилло немало, и каждое требует особого внимания. В частности, это избранное здесь в качестве главного объекта исследования стихотворение «Жизненный путь» (2003). Оно во многом продиктовано личной человеческой драмой – пре-

дательством близкого человека. Но структура поэтического образа здесь необычайно масштабна по художественному обобщению и настолько неповторимо-оригинальна, что заставляет лишний раз задуматься над выразительными возможностями литературно-художественного слова.

Современное понятие образа обосновано (на фоне торжества классицистической эстетики) Гегелем, и в основу здесь имплицитно поставлены гомеровская «живопись словом» плюс антично-ренессансное изобразительное искусство: «В целом мы можем обозначить поэтическое представление как представление образное, поскольку оно являет нашему взору не абстрактную сущность, а конкретную ее действительность» [2, с. 384]. Взору, конечно, открывается многое, и Леонардо имел основания для знаменитого афоризма: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Между тем в византийской эстетике, повлиявшей на восточнославянское сознание и раньше, и глубже, чем Гегель, существует понятие *εἰκόνας*, которое переводится у нас как «символ»: тут материальное виделось в неоплатоническом духе – как несовершенное отражение небесного прообраза. Позже, благодаря А. Потебне, к этому добавилось еще и представление об образности как о сфере субъективно-поэтического сознания. Тут – установка на «видение невидимого», неких силовых линий, пронизывающих зрительно-тактильно воспринимаемую и мыслимую как нечто объективно-материальное «реальность», сомневаться в существовании которой, впрочем, сегодня куда больше оснований, чем в несомненной реальности субъективно-психологического переживания. Оба эти вектора столкнулись в обстановке «борьбы за реализм» в марксистской эстетике 1-й пол. XX в., где восторжествовало представление о художественном образе как «субъективном отражении объективной реальности». Но стихотворения М. Тилло, в частности «Жизненный путь», строятся не столько на «отражении реальности», сколько на выявлении неких силовых линий, ее пронизывающих, и здесь слово насыщено не стремлением к мимезису, «отражению», а напряженной интеллектуально-философской энергетикой духовного поиска. Очень верно наблюдение: «Однією з визначальних рис поезії М. Тілло є велика кількість символів, які проступають до читача майже кризь кожну строфу, передаючи філософський характер думок їх творця, образність мислення та індивідуальну мовну картину <...> Прочитавши підбірку віршів М. Тілло, написаних українською мовою, неможливо не звернути увагу на цілий пласт неповторних символічних мовних засобів, які письменниця вплітає в канву своїх творінь. Впадає в око архетипний характер символів, які використовує поетеса» [8, с. 49–50]; см. об этом также содержательную статью И. Прокофьева [9].

По сути, образ бытия в стихотворении «Жизненный путь», подчеркнута «разорван», деконструирован. Он возникает с самого начала как некое в прямом смысле павшее с небес «разрушение цивилизации», крах всякого человеческого дерзания:

Город градом раскрыт до падения башен без боли,
До развернутых окон на стенах разбитых домов.

Звукопись тут, в основном построенная на аллитерации (б, г, д, з, р), энергично передает неотвратимость апокалиптического градобоя, разрушающего налаженную жизнь. И рушится не только горделивое творение рук человеческих – архитектура. Рушится и культура словесного выражения; из недр подсознательно выплескивается нечто «простое, как мычание»; как будто перед

лицом катастрофы в человеке выпросталось неудержимое стремление к свободе, неприязнь ко всему, что его утесняло:

Эта странная радость животного мира раздолбя,
Где не нужно значения краскам беспомощных слов.

Но путь освобождения от «земного» напрочь лишен радости; он тревожен и не имеет четко обозначенной цели; он вовсе не гладок, как не гладки и заполнены препятствиями дороги, по которым лирическая героиня пытается уйти из рушащегося града – значительное место здесь занимает «пространство для ям» (это более пугающе, нежели просто «ямы», будто эти провалы заранее кем-то спланированы). Этот странный, будто бы происходящий во сне, описанный в поэтике симулякра Исход эмоционально окрашен горечью; сознание беженца отупляет, низводится до «состоянья простого потока»:

Мы спешим, не заметив, куда убегает дорога,
Мы не чувствуем горечи луж и пространства для ям.
Мы куда-то идем в состоянье простого потока,
Где бездумное сердце стучит, как расшатанный ямб.

Понятно, что это иррациональное бегство не способно успокоить. Сравнение ритмов испуганного сердца с расшатанным (т. е. насыщенным пиррихиями) ямбом при всей своей интимности приобретает типизирующее, обобщающе-личное значение. И вдруг катастрофически, будто обусловленная вспышкой внезапного дальтонизма, уравнивается сигнификация огней в светофоре, все огни которого вспыхивают сразу, будто недобрый знак разлада:

Там горит светофор обесцвеченной троицы света...

Взятое из сакрального лексикона и в то же время отчетливо «сниженное» звучание слов троица света (т. е. испорченный светофор) усиливает трагическое предчувствие тупика: трихотомическое искажение сигнализирует неотвратимость беды. Этот зрительный образ служит предварением не менее пугающего образа звукового – крика вороны, птицы тоже возникшей из архетипно-фольклорного слоя коллективного бессознательного, где оно издревле означало зловещего вестника несчастья:

И кричащей вороною время садится на грудь.

Безбоязненное и агрессивное поведение птицы, нарушение ею естественного пространства, отделяющего природную тварь от человека, знаменует конец времени, исчерпанность ослабшего беглеца и неминуемое, как в известной народной песне, торжество черной силы. Время, материализовавшееся в нахальной черной птице, – уже «отмеренное», исчерпанное.

Бежать же некуда, так как позади – разрушение и пустота. Повтор фольклорного мотива (*плохая примета*) призван, как вторичное гадание у нашего обывателя, подтвердить безысходность ситуации:

А назад нет пути: возвращаться – плохая примета,
И не хочется, страшно опять в пустоту повернуть...

Встревоженный ритм стиха, напоминающий свои работы сердца при мерцательной аритмии, поддерживает трепетную

интонацию лирического рассказа о бесполезном, неудавшемся бегстве от Рока. Но все же этот извечный и безысходный поединок Человека с собственной судьбой исполнен пронзительной, трагедийной музыки борющегося с темными силами сознания и молчаливого, печального достоинства, и в этом противостоянии – катарсис. Как писал проф. Н. Ткачук, «...вкотре переконуємося в „чуді творчості“: поетеса магічно вибудовує свій художній світ, сповнений віри, любові і надії, виривається зі звичних норм у трансцендентальний вимір буття. Розгортається метафора трагіко-екзистенційної візії світу, духовні прозріння ліричної героїні, що маркуються трансцендентальними вимірами буття. На очах у читача відбувається метаморфоза, таємниче перетворення звичайного мовлення у мистецтво слова – поезію, яка бентежить читача своїм душевним теплом, щирістю висловленого, незвичним поглядом на світ» [11, с. 84].

Впрочем, похоже, что это тепло черпается не из человеческого источника, и какое-нибудь оптимистическое «Возьмемся за руки, друзья!» не даст успокоения. Как не даст его и простое сопереживание: ведь лишь до поры до времени мы, в отличие от лирической героини стихотворения, отделены от великого и загадочного Исхода в Смерть. А стихи Марии Тилло, уже как бы и пережившей ужас умирания (болезнь ее включала в себя и т. н. птимальи, припадки, подобные эпилептическим), внимательного читателя к такому неминуемому Исходу подготавливают.

Это в античной трагедии безысходность снималась через сопереживание гибнущему герою – через катарсис. Стихи Марии Тилло, однако, пробуждают в читателе нечто большее, чем простое сопереживание. Ушедшая из этого мира в состоянии молитвы, она всей душой исповедовала христианское представление о спасительности веры и надежды, исповедовала библейский взгляд на жизнь как на радость, дар Божий, и вторая после античности великая составляющая европейской культуры – христианство – представлена у нее имплицитно, без восклицаний и деклараций, но зато здесь сдержанно, но твердо выражена надежда на вечную жизнь за пределами мира временного и временного. И – на самом пороге небытия! – возникает воистину никак не чаянная радость быть, благословение жизни во всех ее проявлениях; даже вдохновение, рождение стиха тут трактовано более чем смело – оно сравнивается, простите, с животновитальным актом, облегчением желудка сытой лошади. Власть земных ценностей и условностей исчезает, подобно теням языческих божеств; «событий / рассеивается туман», зато открывается «пустой коридор» какого-то иного измерения:

Радость, как сытая лошадь, навозом из рифмы
Опустошает желудок распухших мозгов.
Боги разбились об небо, ушедши из Рима –
Нет больше цокота цепких и скользких шагов.

Что это, Господи? Может быть, все-таки счастье?
Странно, как странно листать перекошенный вздор.

Там, впереди, на заре истлевающей власти
Время опять открывает пустой коридор.
[10, с. 128].

Думается, многие стихотворения М. Тилло обладают этой толикой *стериологического ободрения читателя*, несколько напоминая своей сверхзадачей то преодоление страха и рас-

терянності, к которому призывают древние психагогические трактаты вроде древнеегипетской или тибетской Книг мертвых. Они учат живущего безбоязненно идти навстречу своей участи сквозь сонмы призрачных чудовищ, которые возникнут на пути к подлинному и окончательному освобождению духа. С этой точки зрения поэтическое наследие Марии Тилло далеко не исчерпано и ожидает новых исследователей.

Література:

1. Абрамович С. Стихотворение М. Тилло «Ренессанс» / С. Абрамович // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка: Філологічні науки. – В. 27. – К.-П. : Аксіома, 2011. – С. 10–13.
2. Эстетика : В 4 т. / Г. Гегель ; под ред. М. Лифшица. – М. : Искусство, 1969. – Т. 3 : Система отдельных искусств. – 1971. – 621 с.
3. Марія Тилло [Електронний ресурс]. – Режим доступу : uk.wikipedia.org/wiki/Тилло.
4. Михайлова М. Дальше – ... не тишина / М. Михайлова // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тилло. – В. 1. – К. : Видавничий дім Д. Бурого, 2007. – С. 44–46.
5. Михед П. «Печальна музыка судьбы» / П. Михед // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тилло. – В. 1. – К. : Видавничий дім Д. Бурого, 2007. – С. 46–47.
6. Ніколенко О. «Неопубліковане» – нерозгадане, непочуте... Про вірші М. Тилло кінця 1990-х – початку 2000-х років / О. Ніколенко // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тилло. – В. 3. – К. : Видавничий дім Д. Бурого, 2010. – С. 88–89.
7. Пахарева Т. Небесный топос в поэзии М. Тилло / Т. Пахарева // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тилло. – В. 2. – К. : Видавничий дім Д. Бурого, 2008. – С. 32–35.
8. Пацаранюк Ю. Архетипні символи в поезіях Марії Тилло (на матеріалі україномовної лірики) / Ю. Пацаранюк // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тилло. – В. 1. – К. : Видавничий дім Д. Бурого, 2007. – С. 50–53.
9. Прокоф'єв І. Медитативні інтенції в поезії М. Тилло / І. Прокоф'єв // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тилло. – В. 3. – К. : Видавничий дім Д. Бурого, 2010. – С. 93–95.
10. Тилло М. Лірика / М. Тилло. – К. : Издательский дом Д. Бурого, 2006. – 202 с.
11. Ткачук М. Екзистенційне осмислення буття людини в ліриці Марії Тилло / М. Ткачук // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тилло. – В. 3. – К. : Видавничий дім Д. Бурого, 2010. – С. 84–87.
12. Філіпчук М. «Лишь улыбка заостренным зигзагом скользит сквозь лицо» / М. Філіпчук // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тилло. – В. 1. – К. : Видавничий дім Д. Бурого, 2007. – С. 53–56.
13. Чикарькова М. Поэзия Марии Тилло / М. Чикарькова // Тилло М. Лірика. – К. : Издательский дом Д. Бурого, 2006. – С. 4–13.
14. Якушева Г. «Слишком много счастья – это скучно. Слишком много счастья – это страшно...» (о стихах Марии Тилло) / Г. Якушева // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тилло. – В. 2. – К. : Видавничий дім Д. Бурого, 2008. – С. 29–31.

Абрамович С. Д. Структура поетичного образу у Марії Тилло (вірш «Життєвий шлях»)

Анотація. У статті проаналізовано мовні вирішення, образний лад і трагіко-сотеціологічна ментальність вірша «Життєвий шлях», написаного молодою українською поетесою М. Тилло, яка передчасно пішла з життя.

Ключові слова: поетична танатологія, літературно-художній образ, екзистенціальні проблеми людини, трагізм, катарсис, сотеціологія.

Abramovich S. The structure of the poetic image of Mary Tilló (poem "Life Path")

Summary. The article analyzes the linguistic solutions, imagery and tragi-soteriological mentality of poem "Life Path", written untimely deceased young Ukrainian poet M. Tilló.

Key words: poetic thanatology, literary-artistic image, man's existential problems, tragedy, catharsis, soteriology.